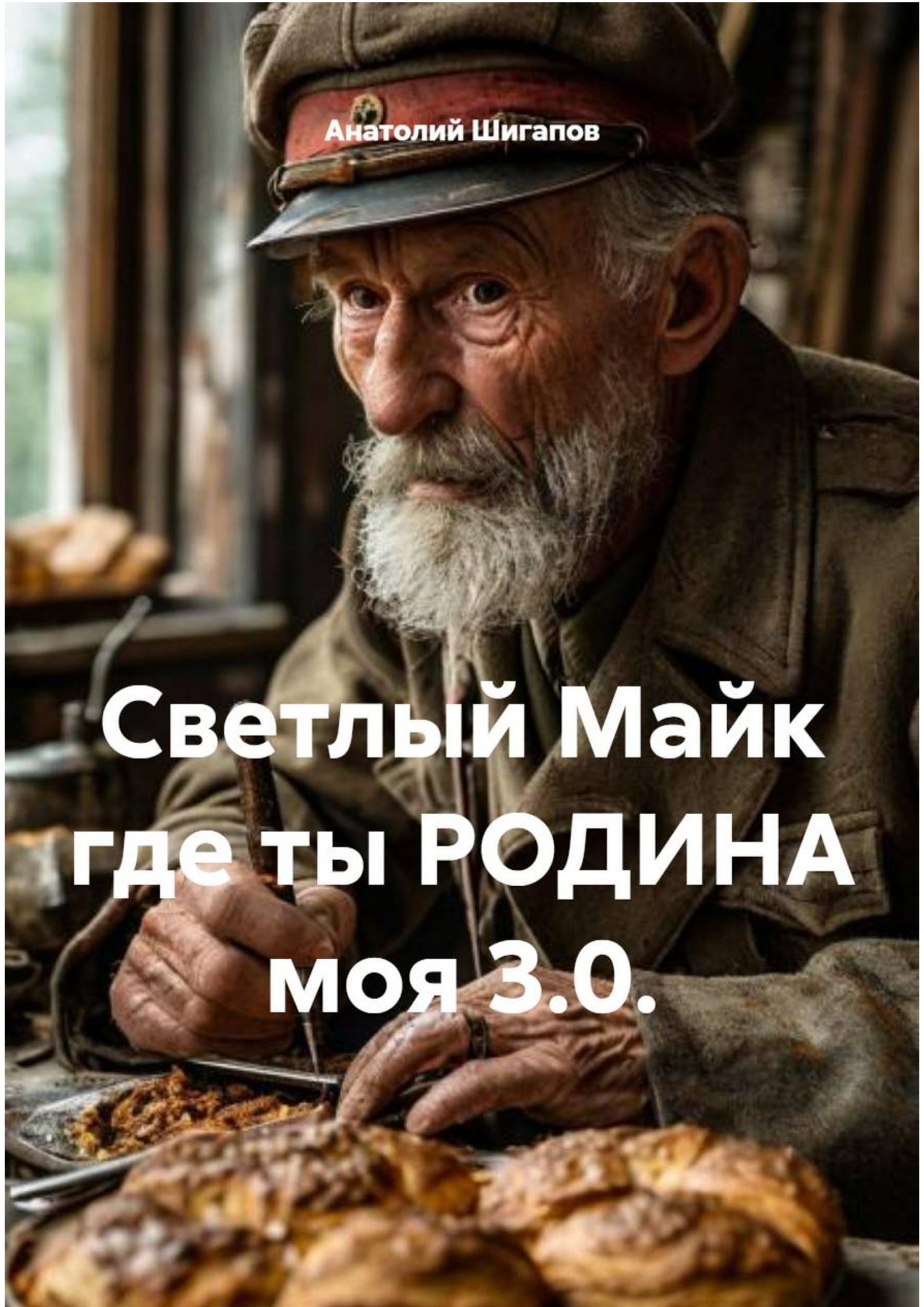

A close-up, high-quality photograph of an elderly man with a long, full white beard and mustache. He is wearing a brown leather cap with a red band and a small emblem. He is focused on his work, using a small tool to shape a piece of wood or metal. In the foreground, there are several large, golden-brown, braided loaves of bread. The background is a rustic workshop with wooden shelves and various tools.

Анатолий Шигапов

**Светлый Майк
где ты РОДИНА
моя 3.0.**

Светлый Майк

Анатолий Шигапов

**Светлый Майк где
ты РОДИНА моя 3.0.**

«Автор»

2026

Шигапов А.

Светлый Майк где ты РОДИНА моя 3.0. / А. Шигапов —
«Автор», 2026 — (Светлый Майк)

Вы когда-нибудь пытались объяснить красноармейцу, что вы из будущего, а ваш дед чинит портал обычным паяльником, пока бабушка раздает пирожки с «легким снотворным эффектом»? Светловым это удалось. Правда, теперь они в 1941 году. Без связи, без карт и с кофеваркой, которая считает себя философом. Четыре года ада? Ну, или четыре года, чтобы научить орлов-разведчиков отличать «мессер» от «юнкерса», убедить майора НКВД, что пирожки — это стратегическое оружие, и не дать деду открыть портал прямиком в ставку Гитлера (потому что «Ксюша, ты куда? Нам еще Берлин брать, а не чай распивать с фюрером!»). Здесь немцы боятся не только партизан, но и бабушкиных пирожков со снотворным, дед становится легендой диверсионных групп, а Громов наконец-то перестает скучать. Война — это больно. Но когда ты Светлов, даже в окопах найдется место для шутки и свежей выпечки.

© Шигапов А., 2026

© Автор, 2026

Анатолий Шигапов

Светлый Майк где ты РОДИНА моя 3.0.

СВЕТЛОВЫ В МУЛЬТИВСЕЛЕННОЙ

(Космическая одиссея продолжается)

Книга третья: ГДЕ ТЫ, РОДИНА МОЯ?

Дорогой Читатель!

Если ты держишь в руках эту книгу (или смотришь на экран, или, закутавшись в три пледа, слушаешь аудиOVERсию, периодически вздрагивая от воя февральской вьюги, которая, как назло, звучит точь- в- точь как сирена воздушной тревоги), значит, ты прошел с нами через галактику, побывал в Элиосе, видел, как орки учатся варить борщ, а эльфы пытаются понять, что такое «русский авось». Ты, мой друг, уже не просто читатель. Ты – часть семьи. Ты – Светлов по духу.

И после всего пережитого ты, наивная душа, наверное, думаешь: «Ну все, Светловы угомонились. Сидят теперь в своих фортах, как сурки, пьют чай с пирожками и вспоминают былые подвиги. Космическая одиссея закончена, можно выдохнуть и заняться чем-нибудь скучным, например, вырастить кактус».

Ха- ха. Трижды ха. С притопом, прихлопом и заходом на второй круг.

Есть такая древняя, как мир, поговорка: «Хочешь насмешить Бога – расскажи ему о своих планах». А Светловы, надо сказать, за годы скитаний по мультивселенной не просто усвоили эту истину. Мы ее вызубрили, выжгли на подкорке и передали по наследству всем своим потомкам, включая кофеварку Ксюшу. Жизнь – это не просто дама с черным чувством юмора. Это женщина с настолько извращенной фантазией, что сам Стивен Кинг умер бы от зависти, а потом воскрес, чтобы написать об этом книгу.

Мы сидели в фортах. Сидели, я тебе скажу, по- царски. Прошел уже год с лишним с тех пор, как мы навалили Коршунову и его космической армаде, разрушили империю зла и вернулись домой, как и подобает героям – уставшими, но довольными. И знаешь, впервые за долгое время все было... СКУЧНО. До зубовного скрежета, до ломоты в костях, до желания пойти и настучать по голове первому встречному инопланетянину, лишь бы развеяться.

Моргор и Брунхильда к тому времени не только поженились (пышная была свадьба, гуляли три дня и три ночи, орки жарили шашлыки тоннами, эльфы играли на арфах так проникновенно, что у гномов слезы капали в бороды и разъедали металл), но и успели поругаться раз тридцать семь, и тридцать шесть раз помириться. Последняя ссора была такой эпической, что в районе Кёнигсберга зафиксировали подземные толчки магнитудой 5,2.

Местные сейсмологи долго чесали репу, пытаясь понять, какие такие тектонические процессы творятся в недрах Земли, а мы просто знали: Моргор опять не помыл посуду после того, как варил свой фирменный гномий суп из кореньев, а Брунхильда высказала ему все, что думает о мужчинах, которые не ценят женский труд. В итоге они построили себе отдельную нору на окраине форта, подальше от греха, и Брунхильда, наконец, научилась варить борщ, который не взрывался, а просто тихо и мирно булькал, изредка пуская радужные пузыри. Прогресс, как говорится, налицо.

Орки, наши ненаглядные «зеленые братья», окончательно обрусели и организовали сеть ресторанов быстрого питания «У Бабушки Зины» по всей Европе, а затем и за ее пределами. Дело дошло до того, что они открыли филиал на Луне, куда туристы со всей галактики летали

как на экскурсию, потому что оркский шашлык в условиях пониженной гравитации обретал совершенно новые, ни с чем не сравнимые вкусовые качества. Правда, посетители жаловались, что мясо вечно улетает с тарелок, и официантам приходится ловить его на лету, используя специальные сачки и проявляя чудеса акробатики. Но это придавало процессу приема пищи дополнительную динамику и веселье. Орки даже завели свой корпоративный сленг: «Луна – не шутка, тут шашлык летает как утка». Бизнес процветал.

Эльфы, скрепя сердце, признали, что человеческая еда, в частности бабушкины пирожки, имеет право на существование, и даже начали заказывать их оптом, расплачиваясь магическими кристаллами, древними фолиантами и крайне полезными в хозяйстве заклинаниями. Одно такое заклинание, «Вечный свет», дед приспособил вместо лампочки в туалете. Светило оно, правда, так, что приходилось надевать сварочную маску, но зато экономило электричество, и бабушка перестала ворчать на деда за то, что он вечно забывает выключать свет в мастерской.

Дед, наш бессменный гений и по совместительству катастрофа местного масштаба, довел свою любимую кофеварку, которую он ласково называл «Ксюша», до такого совершенства, что она уже сама открывала порталы (куда попало, но открывала, что, согласитесь, уже само по себе достижение), варила кофе двадцати трех сортов, одновременно играла в шахматы с дедом (и постоянно выигрывала, чем страшно его бесила, потому что иногда она жульничала, используя свои внутренние процессоры для просчета всех вариантов на тысячу ходов вперед, а дед играл сердцем и душой), давала прогноз погоды на полгода вперед с точностью девяносто девять и девять десятых процента и даже пыталась писать философский трактат «Бытие как череда замыканий и кофейной гущи».

– Она у меня, понимаешь, личность! – гордо заявлял дед, поглаживая свой агрегат, от которого иногда сыпались искры, прожигая дыры в его любимом кресле. – Не какая-нибудь бездушная железка. У нее душа! Кофейная душа! Она мыслящий тростник, только из металла и с накипью!

– Душа у нее, Игнат, – ворчала бабушка, с подозрением косясь на кофеварку, которая в этот момент самопроизвольно включила режим «Эспрессо- джаз» и начала наигрывать мелодию из «Крестного отца», при этом из нее валил пар, пахнувший ванилью и озоном, – кофейная. И характер скверный. Она уже три раза пыталась взорвать камбуз, пока ты спал! Ей, видите ли, скучно стало без приключений! Говорит, программу самоуничтожения активировала от нечего делать, хотела разнообразить свой досуг!

– Творческая натура, Зина! – отмахивался дед. – Творческой натуре нужны встряски, а не это болото! Понимать надо! Она, может, оперу пишет! Космическую оперу! Про любовь кофейных зерен и гравитационных полей!

– Пусть лучше кофе варит, – бурчала бабушка. – От ее опер у меня мигрень и изжога.

И все было, повторюсь, ХОРОШО. Даже слишком хорошо. Мы начали привыкать. Я, грешным делом, начал подумывать о том, чтобы сделать Ане предложение. Официальное. Мы ведь так и не расписались по- человечески – все было некогда: то война с Коршуновым, то погони по мирам, то дед открывает портал не туда, то орки затевают корпоратив на Луне и нужно срочно лететь разбираться с жалобой на улетевший шашлык. А тут вдруг появилось время, появился покой. Я уже и кольцо присмотрел в одной эльфийской лавке – тонкое, серебряное, с маленьким голубым самоцветом, который, как уверял продавец с крайне хитрыми эльфийскими глазами (они у них вообще все с прищуром, как будто вечно что- то замышляют, то ли мировое господство, то ли просто новый сорт чая), исполняет любые желания, если прошептать их на закате на древнем эльфийском. Я, правда, древнего эльфийского не знал, кроме как «лепесток цветка» и «еще пирожок, пожалуйста», но решил, что это мелочи. Главное – жест.

Но, как говорится, если хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах. А если хочешь, чтобы Бог рыдал в голос, хватался за сердце, вызывал скорую небесную и требовал продолжения банкета – расскажи о них Светлову- старшему. Дед – это не просто катализатор событий. Дед – это ядерный реактор, который запускает цепную реакцию вселенского масштаба, причем без всякого защитного контура и с выведенными наружу проводами.

Все началось с того, что дед, напившись кофе (Ксюша сварила ему какой- то особый сорт «Энергия космоса», от которого у него даже волосы зашевелились, при том что он лысый, что вызвало у него приступ неопишуемой радости и гордости за свой организм) и вдохновившись очередной главой философского трактата Ксюши, решил, что порталная установка (та самая, которая чудом уцелела после всех передраг, хотя от нее осталось только три микросхемы, кусок провода и половина трансформатора, которую дед на всякий случай залил эпоксидной смолой) работает недостаточно стабильно.

– Понимаешь, Михаил, – вещал он мне на утро, размахивая паяльником, как дирижерской палочкой, и искры летели во все стороны, прожигая дыры в его любимом кресле, которое бабушка уже три раза зашивала, – точность попадания – это наше все! Ну что это такое? В прошлый раз хотели в Элиос, а попали в мир, где время текло вспять, и мы три дня молодели, пока я не догадался отключить питание! Хорошо хоть до состояния младенцев не дошли, а то пришлось бы бабушке пеленки стирать! А ей, сам понимаешь, не до того, у нее пирожки! И потом, я же не хочу снова учиться ходить и разговаривать. Мне моя картавость и так нравится, она придает моему голосу особый шарм.

– Дед, – осторожно начал я, чувствуя, как привычный холодок пробегает по спине, а интуиция, не раз спасавшая нам жизнь, начинает орать благим матом, переходя на ультразвук, – а может, не надо? Ну ее, эту точность. Нам и так хорошо. Вон, Аня кольцо присматривает, Павлик в школу записался (правда, учителя жалуются, что он слишком хорошо знает историю, особенно про войну с Коршуновым, и постоянно поправляет их, рассказывая, что Наполеон на самом деле был аватаром инопланетного императора), орки на Луне бизнес открыли, скоро дивиденды начнут платить. Зачем нам лишние проблемы?

– Внучек! – дед посмотрел на меня с видом оскорбленного гения, которого не понимают современники, потомки и, судя по всему, даже инопланетные цивилизации. – Какие же это проблемы? Это прогресс! Это наука! Мы обязаны двигаться вперед! Ксюша, подпевай!

Кофеварка, услышав свое имя, радостно замигала всеми лампочками и выдала брагурный марш из какого- то старого советского фильма, при этом из нее повалил пар, пахнущий ванилью, озоном и почему- то жареной картошкой.

Бабушка, которая как раз зашла в мастерскую с огромной кастрюлей только что испеченных пирожков, замерла на пороге. Ее лицо, обычно добродушное, приобрело выражение командира партизанского отряда, заметившего вражескую засаду. Пирожки в кастрюле испуганно притихли и даже перестали пахнуть, на всякий случай.

– Игнат, – голос ее звучал обманчиво спокойно, но я- то знал этот тон. Это был тон человека, который уже мысленно прикидывает, куда именно засунуть скалку, чтобы эффект был максимальным, а последствия – минимальными. – Только без фанатизма, бога ради. Нам твои «улучшения» уже, знаешь, где сидят? – Она выразительно провела ребром ладони по горлу, отчего пирожки в кастрюле жалобно звякнули, а один даже выпрыгнул и покатился по полу, пытаясь спрятаться под верстак.

– Зина, Зиночка, ласточка моя! – замахал руками дед, даже не оборачиваясь от своей установки, которая сейчас напоминала не научный прибор, а творческий беспорядок после взрыва на заводе электроники. – Ну что ты сразу с претензиями? Я ж как лучше хочу! Для семьи стараюсь! Чтоб без неожиданностей, чтоб как по маслу – раз, и мы там, где нужно! Хочу, чтоб портал был точным, как швейцарские часы, а не как наш Павлик после того, как съест три порции твоего фирменного борща! Ты же знаешь, какая у него потом реакция!

– Слышали мы твое «как по маслу», – раздался голос Громова. Он возник в дверях мастерской бесшумно, как и подобает бывшему разведчику. В руках он держал очередной дедов прибор, который тот собрал для разведывательных дронов. – В прошлый раз твое гениальное «как по маслу» занесло нас в мир, где трава была фиолетовой и светилась в темноте, а местные эльфы питались исключительно лунным светом и собственной значимостью. Хорошо, бабушка пирожки взяла, а то бы мы там с голодухи дуба дали, пока эти зазнайки медитировали и рассуждали о бренности бытия. И потом, тот эльфийский шампунь, которым мы мылись, оказался просроченным.

– Ну, зато мир посмотрели, – философски заметил дед, вкручивая какую-то деталь прямо в корпус портала. Искры посыпались веером, и запахло жженой проводкой и горелым пластиком. – Эльфы, они, знаешь, тоже люди. Только с большими ушами и претензией на вечность. Моргора, вон, перевоспитали, борщу научили. Теперь он у нас почти человек. Почти.

– Почти, – подтвердил вошедший следом Моргор. Он был в переднике, перепачканном мукой, и с огромной скалкой в руке. – Но тесто, Игнат, не прощает неточностей. В отличие от твоих порталов. Тесто, если его неправильно замесить, может обидеться и не подняться. А порталы... порталы, они терпеливые. Они все стерпят.

– Вот видишь! – дед ткнул пальцем в Моргора, чуть не ткнув его паяльником в бок. – Даже гном понимает важность точности! А вы все: «не надо, не трогай». Трогать надо, Зина! Руками трогать! Прогресс руками делается! Это вам не пирожки печь, тут думать надо!

– Дед, – вмешался я, наблюдая, как от установки начало исходить легкое голубоватое свечение, и лампочки замигали в каком-то нехорошем, предынфарктном ритме, – может, отложим это до завтра? А? Давай с утра, на свежую голову, после бабушкиных пирожков, под приглядом Ксюши. А то сейчас, знаешь, атмосфера накаляется, и не только фигурально.

– Внучек, – дед посмотрел на меня с выражением лица гениального композитора, которому предлагают отложить симфонию ради обеда, при том что симфония уже играет у него в голове, и оркестр вот-вот начнет бунтовать, а дирижер уже занес палочку, – гениальные идеи, они, как рыба – портятся, если их долго хранить. Их надо реализовывать сразу, вот здесь и сейчас, пока муза не ушла к более благодарным слушателям. А муза у меня, сам знаешь, капризная. Сегодня она есть, а завтра ее нет, и весь гениальный замысел идет насмарку, в трубу, в тартарары.

– Какая муза, Игнат? – фыркнула бабушка. – У тебя муза – это твоя Ксюша. Она тебе уже все уши прожужжала своими техническими новеллами. Вон, опять мигает, как ненормальная, и пар валит, как из паровоза. Сейчас опять задымит на всю округу, и нам придется опять объяснять соседям, что это не пожар, а научный эксперимент.

– Вот именно! – обрадовался дед. – Она, умница, подсказывает! Она чувствует, где истина! Я ей верю как самому себе! А себе я, между прочим, всегда верю! Даже когда ошибаюсь, я верю, что это не ошибка, а новый, нетрадиционный путь к открытию!

И он, не дожидаясь наших возражений и даже не дав нам времени на то, чтобы спрятаться или хотя бы перекреститься (бабушка уже перекрестилась раза три, но, видимо, недостаточно), с видом фокусника, который вот-вот достанет из шляпы не кролика, а ядерную боеголовку, нажал на самую большую, самую красную кнопку на своем агрегате.

Кнопка была красной не просто так. Она была красной, потому что дед искренне считал, что на красное нажимать веселее и эффектнее. Надпись под ней гласила: «НЕ НАЖИМАТЬ НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ!!!» (пять восклицательных знака – дед добавил еще два для надежности), которую дед собственноручно выжег паяльником. Видимо, чтобы никто случайно не нажал. Кроме него самого.

Я до сих пор помню эту вспышку. Она была совершенно не похожа на те, что мы видели раньше, путешествуя по мультивселенной. Не разноцветная, не радужная, не веселая, как дискотека 80-х. Она была белая. Ослепительно-белая, как свет тысячи солнц, взорвавшихся одно-

временно в тесной каморке, заставленной всяким хламом, отчего хлам этот начал светиться и плавиться. И холодная. До костей, до самого нутра холодная. Так холодно мне не было никогда в жизни, даже когда мы в Элиосе попали в снежную бурю, а дед по ошибке открыл портал напрямик в антарктическую исследовательскую станцию, и нас чуть не съели пингвины (они там, оказывается, хищные, и у них есть зубы, и они очень любят человечину).

А потом был звук. Нет, не звук – вой. Пронзительный, леденящий душу вой, от которого волосы встали дыбом даже у лысого Моргора, и он стал похож на очень удивленного ежа, который только что увидел свой иголки в зеркале. Смесь сирены воздушной тревоги, человеческого крика, полного животного ужаса, и скрежета разрываемого металла. И запах... запах гари, пороха, горелой плоти и еще чего-то страшного, липкого, незнакомого, отчего сердце сжималось в груди, а в горле вставал ком размером с бабушкин пирожок.

А потом была тишина. Звенящая, ватная тишина, в которой уши закладывало так, будто ты нырнул глубоко под воду, и там, на глубине, встретил очень удивленную рыбу, которая смотрела на тебя и думала: «Что этот странный делает в моем доме?»

Когда я открыл глаза, я лежал лицом вниз. В мокрую от росы траву. Но это была не наша земля. Не бетонный пол мастерской, не каменные плиты фортвов, не аккуратно подстриженный газон перед входом. Это была настоящая, живая, пахнущая жизнью земля – с травинками, с росистыми одуванчиками, с запахом полыни и... дыма. Горелого, едкого, сладковатого дыма, который драл горло и застилал глаза. Запах войны. Тот самый, который, если раз вдохнешь, не забудешь уже никогда.

Надо мной было небо. Но не фиолетовое, как в Элиосе, и не звездно-черное, как в открытом космосе, и даже не привычно-серое калининградское. Обычное, родное, земное, чуть розоватое от восходящего солнца небо. Только по нему, разрезая утреннюю тишину с оглушительным, леденящим душу ревом, неслись самолеты. Много самолетов. Целая армада. Они шли волнами, низко, почти над самыми верхушками деревьев, и от их гула, казалось, дрожит сама земля. Самолеты с черными, отвратительно, нагло отчетливыми крестами на крыльях и фюзеляжах.

А где-то далеко, со стороны горизонта, оттуда, где вставало солнце, доносился глухой, тяжелый, непрерывный гул канонады. Земля подо мной вздрагивала мелкой, противной дрожью, будто живое, огромное, смертельно раненое существо, которому невыносимо больно.

Я с трудом приподнялся на локтях. Голова гудела, как церковный колокол. Перед глазами все плыло. Рядом, постанывая и матерясь сквозь зубы так виртуозно, что позавидовал бы любой боцман, поднимались мои родные.

Бабушка сидела на траве, прижимая к груди свой бесценный рюкзак и ощупывая его со всех сторон с профессиональной нежностью сапера, проверяющего мину на предмет сюрпризов. Она бормотала что-то вроде: «Пирожки, пирожки мои, целы ли вы, родимые? Слава тебе господи, вроде не помялись, горяченькие еще, парят, как паровозы». На плече у нее висела та самая кастрюля, которую она несла из кухни, и из нее валил пар, источая умопомрачительный аромат с мясом, который странно контрастировал с запахом гари и пороха.

Дед, бледный как мел, ползал на четвереньках вокруг своей кофеварки, которая валялась в трех метрах от него и жалобно попискивала, мигая лампочками в аварийном режиме, как новогодняя елка, у которой случилось короткое замыкание, и она пытается всеми цветами радуги сообщить об этом миру. Он что-то бормотал, подкручивая какие-то винтики и припавшая на ходу отвалившуюся ручку, при этом периодически вскрикивал, когда паяльник касался его пальцев.

– Ксюша, Ксюшенька, очнись, родная! – причитал дед. – Потерпи, сейчас мы тебя подлечим! Ну зачем ты так? Я же хотел как лучше! Я же для тебя старался! Хотел, чтоб ты была самой точной кофеваркой в мире! Самой лучшей! Самой гениальной!

Громов уже стоял на ногах. Его профессиональный, цепкий взгляд разведчика оценивал обстановку с холодной методичностью компьютера. Он осмотрел небо, прислушался к канонаде, принюхался к запаху гари, и на его лице не дрогнул ни один мускул. Только желваки заходили на скулах.

Отец, Павел, помогал подняться Полозову. Полозов, наш семейный летописец, кажется, при падении вывихнул руку и теперь морщился от боли, но другой рукой судорожно сжимал свой неизменный блокнот, как самое дорогое, что у него есть.

– Жив, Петр Аркадьевич? – спросил отец.

– Блокнот цел, – прохрипел Полозов. – Остальное – ерунда, заживет. Где мы, черт возьми? И можно ли здесь найти чернила? Мои кончаются, а записывать нечем!

Аня была рядом со мной. Она сидела на траве, бледная, но собранная, и уже ощупывала карманы в поисках аптечки. Павлик, наш сын, прижимался к ней, испуганно тараща глаза на небо, полное самолетов с крестами.

Все были здесь. Все были живы. Слава богу. Но вопрос «Где мы?» повис в воздухе, тяжелый и страшный, как этот самый гул канонады.

Первым заговорил Громов. Голос его звучал глухо.

– Если я ничего не путаю, – сказал он, – и если мои глаза меня не обманывают... «Юнкеры». Ю- 87. «Лаптежники». Пикирующие бомбардировщики люфтваффе. Те самые, которые пикируют с воем, от которого у нормальных людей кровь стынет в жилах. А это, – он кивнул в сторону гула, – дальнобойная артиллерия. Крупный калибр. Бьют откуда-то с запада.

– И что это значит, Виктор Петрович? – спросил я, хотя уже начинал догадываться. Догадка была хуже некуда.

Громов посмотрел на меня долгим, тяжелым взглядом, в котором читалось: «Ну, Светловы, допрыгались. Доигрались в гениев».

– Это значит, Михаил, что мы не в Калининграде. И не в Элиосе. И даже не на Луне у орков с их летающим шашлыком и вечно удивленными туристами. Мы там, откуда наши деды и прадеды уходили на фронт, прощаясь с семьями и надеясь вернуться. И откуда многие не вернулись.

Он замолчал, давая нам переварить информацию. Тишина стояла такая, что было слышно, как дед пытит над кофеваркой и как Полозов скрипит зубами от боли в руке.

– Великая Отечественная, – прошептал Полозов. Его глаза расширились до размеров блюдца. Он посмотрел на свой блокнот, потом на небо с самолетами. – Боже мой... Мы в прошлом? В сорок первом? В самом пекле? И у меня блокнот! Я же теперь все запишу! Я стану самым знаменитым летописцем в истории! Меня будут цитировать в учебниках!

– Петр Аркадьевич, – шикнула на него бабушка, – попридержите свой энтузиазм. Тут, кажется, не до записей. Тут выживать надо. А выживем – тогда и запишете.

В этот момент из леса, ломая кусты и не разбирая дороги, выбежал человек. Молодой парень, почти мальчишка, лет восемнадцати- девятнадцати. На нем была выцветшая, мокрая от пота и росы гимнастерка без погон (видимо, «посрывал», чтобы не выделяться), перетянутая солдатским ремнем с потрепанной кобурой. За плечами болталась трехлинейка, в руке он сжимал гранату. Лицо его было перекошено от ужаса, смешанного с отчаянной решимостью.

Он выскочил на поляну и замер, увидев нашу странную компанию. Мы, видимо, представляли собой зрелище еще то: бабушка с кастрюлей, из которой валит пар, дед, ползающий на карачках вокруг дымящейся кофеварки и причитающий, я в джинсах и куртке, Аня в модном сарафане (который здесь, в сорок первом, смотрелся как наряд инопланетной принцессы, явившейся с дипломатической миссией), Полозов в пиджаке и с блокнотом. Картина маслом: «Явление попаданцев местному населению».

– Вы... вы кто такие будете? – спросил парень хриплым, срывающимся голосом. Он перебрал дуло винтовки с одного на другого, явно не зная, в кого стрелять первым. – Из окруже-

ния, что ли? Из разбитых частей? Почему форма не по уставу? Диверсанты? Шпионы? – Глаза его сузились.

– Спокойно, сынок, – Громов вышел вперед, подняв руки, демонстрируя мирные намерения. Он говорил спокойно, уверенно, тем голосом, которому невозможно не подчиниться. – Спокойно, мы свои. Оружие убери, не ровен час, пальнет. Спусковой крючок, он нервный, может и сам выстрелить от испуга.

– Какие свои? – не унимался парень, но винтовку опустил. – Вы на кого похожи? Цирк шапито, а не бойцы! У вас бабка с кастрюлей, дед с какой-то банкой возится, а этот, – он ткнул стволом в Полозова, – с блокнотом! Вы что, писатель, что ли? Фронтовой корреспондент?

– Мы, – начал я и запнулся. Как объяснить этому перепуганному мальчишке, который только что вырвался из ада, что мы из 2025 года, из другого мира, что попали сюда через портал, открытый безумным дедом с помощью чудо-кофеварки, которая сейчас дымится в кустах и пытается перезагрузиться? Он бы нас просто за шпионов принял и пристрелил на месте, недолго думая, и был бы прав.

– Мы издалека, – пришел на помощь Громов с той же легендой, что сработала тогда, в самом начале нашего знакомства с этим временем, с майором Вороновым. – Очень издалека. Из-за Урала. Эвакуированные. Заблудились. Шли к своим, к партизанам, да, видать, не туда свернули. А это, – он кивнул на кофеварку, – прибор для связи. Секретный. Из самой Москвы. Опытный образец. Испытания проводим.

– Из-за Урала? – парень недоверчиво оглядел нашу компанию. Взгляд его задержался на бабушкиной кастрюле, из которой все еще шел пар и пахло так, что у него, кажется, слюни потекли и образовалась небольшая лужица на траве. – А это чего? – он ткнул пальцем в кастрюлю.

– Пирожки, милый, – ласково сказала бабушка, мгновенно включив режим «всеобщая бабушка». – С мясом, с капустой, с картошкой. Горяченькие еще, только из печи. Угощайся, а то вон, бледный какой. Небось, не евши который день? Голодный, как волк, и глаза такие же дикие.

При упоминании о пирожках парень сглотнул так громко, что было слышно за километр, и даже птицы в лесу на мгновение замолкли, прислушиваясь. В глазах его мелькнул голодный блеск, и винтовка опустилась совсем.

– Партизаны, говорите? – спросил он уже миролюбивее, облизываясь и делая шаг к бабушке. – А я как раз к партизанам иду. Из-под Бреста. Третьи сутки пру, лесами, болотами, немцев обхожу, как зайцев. Наши... наших... – голос его дрогнул, но он взял себя в руки. – Короче, немцы уже близко. Танки прут, сил нет. Мост через реку бомбили, связь нарушена. Говорят, в этих лесах отряд майора Воронова держится. Слыхали про такого? Говорят, он толковый командир, из окружения людей выводит, партизанский отряд организует, немцам житья не дает.

Мы переглянулись. Воронов. То самое имя, которое мы уже слышали в том, другом, варианте прошлого. В той жизни, которую мы прожили, когда попали сюда в первый раз? Или это уже новая реальность, очередная ветка мультивселенной? Время, оно такое – запутанное, как дедовы провода в мастерской.

– Слыхали, – коротко ответил Громов. – Веди, парень. Мы с тобой.

Парень, которого звали, как выяснилось, Егором, кивнул и, махнув рукой, нырнул обратно в лес. Мы, подхватив свои нехитрые пожитки, двинулись за ним. Дед, на ходу продолжая колдовать над кофеваркой, споткнулся о корягу и выругался, но уже не так витиевато.

– Игнат, – шикнула на него бабушка, – не богохульствуй! Не ровен час, услышит кто сверху!

– Да кто услышит, Зина? – огрызнулся дед, потирая ушибленную ногу и пытаясь одновременно не уронить кофеварку. – Кроме фрицев, тут и слушать некому. А им на наши молитвы

плевать с высокой колокольни, у них своих забот полно, они тут, понимаешь, мировое господство пытаются установить.

– А Бог? – строго спросила бабушка.

– А бог, Зина, – вздохнул дед, глядя на небо, где все еще гудели самолеты, – он, наверное, сейчас тоже занят. У него тут, понимаешь, фронт работ непочатый край. Тут не до нас, грешных. Тут, можно сказать, генеральное сражение добра со злом, а мы так, мелкие сошки.

Лес кончился внезапно, как обрезанный ножом. Мы выбежали на небольшую, уютную поляну, залитую утренним солнцем, которое казалось здесь, в этом аду, злой насмешкой. На поляне стояло несколько аккуратных, крытых лапником шалашей, горел костер, над которым висел закопченный до черноты солдатский котелок. Вокруг костра сидели люди – человек двадцать, а может, и больше, все в разной степени потрепанности и усталости, кто в военной форме, кто в гражданском, кто босой, кто в обмотках, с винтовками, охотничьими ружьями, а кто и просто с вилами и топорами. Вид у всех был сосредоточенный и суровый, но при этом в глазах горел тот самый огонек, который не погасить никакими бомбежками.

– Свои! – крикнул наш проводник Егор. – Товарищ майор, тут это... люди. Гражданские, из-за Урала, заблудились, к партизанам хотели. Странные какие-то, но вроде не диверсанты. И пирожки у них есть. Много пирожков! Вкусно пахнут!

При слове «пирожки» несколько голов, как по команде, повернулось в нашу сторону. Из-за костра, хромая, поднялся высокий, сутулый, но крепкий мужчина с усталым, обветренным лицом, покрытым глубокими морщинами, и седой, небритой щетиной на впалых щеках. На нем был военный китель без знаков различия (видимо, тоже «посрывал», чтобы не выделяться), перетянутый широким ремнем с тяжелой кобурой на боку. Глаза у него были умные, цепкие, но страшно усталые. Это был тот самый майор Воронов. Только моложе, чем мы его помнили по тому, другому времени.

– Из-за Урала, говорите? – спросил он, внимательно, профессиональным взглядом оглядывая каждого из нас. Взгляд его задержался на дедовой дымящейся кофеварке, на бабушкином рюкзаке, из которого торчало горлышко заветной фляги и выглядывал краешек сковородки, на моих джинсах и кроссовках, на модном Анином сарафане, на Полозове с блокнотом. – А поконкретнее можно? Кто такие? Откуда? И почему одеты, как на карнавале в честь Первой? Или это новая форма такая? Мода из-за Урала?

– Можно, – Громов вышел вперед и встал рядом с бабушкой. – Только давайте сначала определимся, где мы конкретно находимся и что здесь происходит. Времени у нас мало, а объяснение будет долгим. Очень долгим. И, возможно, вы нам не поверите. Но пирожки у нас настоящие, можете не сомневаться.

Майор усмехнулся. Усмешка вышла невеселой, даже горькой.

– Где мы? – он обвел рукой поляну, шалаша, усталых людей у костра. – В аду мы, товарищи. В самом настоящем, кремешном аду, из которого, кажется, нет выхода. Немцы сегодня, на рассвете, войну начали. Вероломно, без объявления, сволочи. Бомбят города, танки прут, наших быют почем зря. Я командир разбитого стрелкового батальона, майор Воронов. С остатками людей вышел из окружения. Теперь вот собираем всех, кто может оружие держать. Будем партизанить, гадам кровь портить, покоя не давать, спать по ночам не давать. А вы, простите, кто будете?

Громов глубоко вздохнул, собираясь с духом.

– Мы Светловы, товарищ майор. Семья. Мы... – он на секунду замялся, подбирая слова, – из будущего мы. Из 2025 года. Попали сюда случайно. Очень долгая и нелепая история, замешанная на гениальности одного пожилого инженера и его кофеварки, которая, кстати, сейчас пытается прийти в себя после гиперпространственного скачка.

Майор Воронов уставился на нас так, будто мы сказали, что мы делегация с Марса, прибывшая на драконе для заключения мирного договора и обмена кулинарными рецептами,

а заодно и технологиями по выращиванию марсианской картошки. Он перевел взгляд на бабушку, на ее рюкзак, на деда с кофеваркой, которая в этот момент тихо пискнула и выпустила струйку пара, похожую на мысль.

– Из будущего? – переспросил он медленно. – Это что, шутка такая, товарищи? Шутка юмора? Если шутка, то не смешно. Война, сами понимаете, не до шуток. Тут люди гибнут, а вы тут со своим будущим.

– Да какие уж тут шутки, товарищ майор, – вздохнула бабушка и, не дожидаясь приглашения, тяжело опустилась на пенек, скинув рюкзак. – Вы бы присели. И людей своих покормить бы надо, пока возможность есть. Вон, смотрите, какие у меня пирожки. – Она ловко, не глядя, расстегнула рюкзак и извлекла оттуда огромный, завернутый в чистую тряпицу сверток. Запах от него разнесся по поляне такой умопомрачительный, такой родной, такой невозможный здесь, в этом лесу, полном смерти и отчаяния, что у бойцов, сидевших у костра, кажется, слюни потекли ручьем, а в глазах загорелся почти звериный голодный блеск.

– Раздай, Михаил, – кивнула мне бабушка. – Пусть люди поедят, сил наберутся. Война долгая, дорога дальняя, а на голодный желудок воевать – только портить статистику и зря расходовать патроны.

Я взял сверток и пошел к костру. Через минуту вокруг меня собралась плотная толпа, и пирожки исчезали с невероятной, прямо-таки космической скоростью. Бойцы, вчера еще бывшие на передовой, а сегодня оказавшиеся в лесу, в окружении, ели жадно, молча, только изредка причмокивая и зажмуриваясь от удовольствия. Кто-то даже всхлипнул, уткнувшись в пирожок, и это были не просто эмоции – это было что-то большее.

– Ты посмотри, – сказал дед, наблюдая за этой умиротворяющей картиной и довольно поглаживая бороду, из которой торчали кусочки припоя и мелкие винтики. – А они, оказывается, еще ничего. Живые. Не сломленные. Не сдаются, гадам. Пирожки жуют и не сдаются. Хороший признак.

– Не сдадутся, – тихо, но твердо сказал майор Воронов, садясь на пенек рядом с бабушкой и принимая из ее рук дымящийся пирожок. – Русские не сдаются. Это не в нашем характере. Ладно, – он махнул рукой Громову, – рассказывайте, товарищи будущие. Только коротко. Время не ждет, немцы наступают.

Громов начал рассказывать. Он говорил коротко, четко, сухо, по-военному, без лишних эмоций, но с долей иронии, присущей всем Светловым. О нашей войне с Коршуновым, о путешествии в Элиос, о возвращении, о портале и о том, как мы сюда попали благодаря дедовой тяге к «улучшайзингу». Майор слушал молча, не перебивая, только изредка качая головой и поглаживая седой подбородок, на котором уже начала пробиваться щетина. Бойцы у костра тоже притихли, слушая эту невероятную историю, забыв даже о пирожках.

Когда Громов закончил, на поляне повисла тишина. Слышно было только, как потрескивает костер да где-то далеко ухают разрывы.

– Верить или нет – не мне решать, – сказал наконец майор, доедая пирожок и облизывая пальцы. – Дело темное, не наше, не солдатское. Но пирожки у вас, бабушка, отменные, спору нет. Таких даже в мирное время не всегда отведаешь, а уж в военное – и подавно. И одежда у вас чудная, нездешняя, и приборы эти, – он кивнул на дедову кофеварку, которая все еще попискивала, – явно не в нашей стране деланы. Ладно, допустим, что не врете. А что нам с этого, с вашего появления, польза? Кроме пирожков, конечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.